

Чужая тема

- Встреча произошла тут, у столика, за которым мы с вами сейчас. Все было, как теперь: спины, согнувшиеся над тарелками, никелевый звон ложечек на прилавке, даже те же росчерки иная на окне и от времени до времени шорох дверной пружины, впускающей клубы морозного пара и посетителей.

Я не заметил, как он вошел. Его длинная спина с грязным шарфом, свесившимся через плечо, включилась в поле моего зрения в момент, когда он, просительно склонясь, задержался у одного из столиков. Это было вон там - направо у колонны. Мы, посетители столовой, привыкли к вторжениям всякого рода люмпенов, ведущих тонкую игру с рефлексом вкусовых желез. Возникнув перед прожевывающим ртом с коробкой спичек или пачкой зубочисток на грязной ладони, протянутой, так сказать, поперек аппетита, они точно и быстро стимулируют жест руки, отмахивающейся копейкой. Но на этот раз и стимул и реакция были иными: старик профессорского типа, к которому обратился вошедший, вместо того чтобы ответить медяшкой, вдруг - бородой в борщ и тотчас же, выдернувшись, - лопатками к стене, по лбу его ползли морщины изумления. Проситель вздохнул и, отшагнув от стола, огляделся: к кому еще? Две комсоставских шинели у окна и компания вузовцев, весело клевавших вилками вокруг сумбурно составленных столиков, очевидно, его не удовлетворяли. После секундного колебания он направился по прямой на меня. Сначала учтивый полупоклон, потом:

- Не хотели бы приобрести, гражданин, философскую систему? С двойным мироохватом: установка и на микро- и на макрокосм. Проработана в строгом и точном методе. Ответ на все запросы. Ну, и... цена без запроса.

- ?

- Вы колеблетесь, гражданин. Между тем мирозерцание, которое я мог бы уступить вам и в рассрочку, вполне оригинально; не подержано ни в чьих мысленных. Вы будете первым, просозерцавшим его. Я - лишь так, простой конструктор, сборщик систем. Всего лишь.

Говоривший, наткнувшись на молчание, на минуту смолк и сам. Но упрямая складка, стянувшая его длинные брови, не разжималась. И, нагнувшись почти к самому моему уху, продавец досказал:

- Но, поймите же наконец, что, отдавая вам мирозерцание, я сам остаюсь без. И если б не крайняя нужда...

Признаюсь, я с некоторым беспокойством отодвинул стул: сумасшедший или пьяный? Но близкое дыхание человека было чисто, глаза же прятались под угрюмо опущенные веки.

- Не стану скрывать: система идеалистична. Но ведь я же и не дорого прошу.

- Послушайте, - заговорил я наконец, решив резко оборвать нелепицу, - кто бы вы ни были и...

И в это время он поднял глаза: их сощуренные зрачки спокойно и ясно улыбались. Как будто даже без насмешки. Мне оставалось - на улыбку улыбкой. Теперь уже пальцы человека, сделавшего метафизическую концепцию, упирались о край стола:

- Если мирозерцание вам не по средствам, то, может, вы удовлетворитесь двумя-тремя афоризмами - по вашему выбору. Чем могу служить: глубиной или блеском, остроумием или лапидарностью, философическим серьезом или каламбурной игрой слов? Условимся, кстати, и относительно эмоциональной окраски: предпочитаете ли вы печальные сентенции, ну, там, резиньяцию или...

- Допустим, печальные, - пробормотал я, не зная, как распутать разговор.

- Сейчас.

Секунд пять пальцы его нервно отстукивали о край стола. Потом:

- Ну, вот - готово. Внимание: "Я знаю мир, где ходят и по солнечной стороне, но только... ночью".

И после паузы, оглядев меня, своего покупателя, добавил:

- Не понравилось. Недостаточно грустно? Ну, хорошо, я постараюсь. Минуту. Есть. Слушайте: "Надо жить так, чтобы ни одному лавровому деревцу не сделали из-за тебя больно". И, наконец... Но это уже не афоризм: я не ел четыре дня. Накормите меня.

В ответ на пригласительный жест человек как-то резко сломался в коленях и сел. Я постучал и распорядился.

Глубокая тарелка. За ней мелкая. Продавец афоризмов отодвинул прибор, затем кресло, встал и снисходительно кивнул: